

О творческой смелости

Раздумья после спектакля

датель на комбинате. — трудно себе представить: мы ни разу не видим его на работе, но, наверное, если

бывает он там внимательным, четким, то это явная неправда, пусть тонкое, но притворство. Сущность-то у человека одна, как бы он ее ни прятал, она вылезет. А Егор, судя по всему, прятать свое «я» не умеет и не хочет. Напротив, он все время твердит зрителю: смотрите, я плохой, я зазнался. И сколько бы мне отец и хорошие братья не объясняли мои ошибки, я все равно ничего не пойму.

Так с самого начала в пьесе и спектакле сглаживается конфликт: кому же не ясно, кто победит и кто потерпит поражение?

Многие актеры, особенно Н. Миленкович, играющий роль Егора, не в силах преодолеть лобовых, прямолинейных решений пьесы. Где-то простые и правдивые, они во многих сценах скоеваны материалом пьесы.

Режиссер спектакля, заслуженный деятель искусств ЧАССР В. Романов поставил пьесу на первый взгляд верно, все что он делает — правильно, во все же он не сумел преодолеть ее схематизма и прямолинейности.

Считают часто так: взяла пьесу, поставили спектакль, подтвердили известные истины — что еще надо? Нужно больше, в этом-то все и дело. Спектакль должен будить мысль, открывать новое, неизвестное зрителю, нести в себе большие, глубокие обобщения. Нужно верить зрителю. Нужно верить актеру и ставить перед ним большие и действительно сложные творческие задачи. Нужно, наконец, верить автору, а если он где-то мельчит и упрощает тему, иметь смелость идти дальше и глубже, требовать больше и с автора и с самих себя. Верить — это значит и потребовать.

Л. ДОБРОНРАВОВА.

Рестроли
Чувашского
русского
драмтеатра

Спектакль русского республиканского драматического театра Чувашской АССР по пьесе И. Куприянова «Мой брат» окончился рано. Еще не было и десяти, когда закрылись за последним зрителем театральные двери.

Я медленно иду по широкой лестнице, ведущей вниз, к тротуару, прислушиваясь. Почему не говорят о спектакле? Что это? Неужели нечего вспомнить? Впрочем, нет, вот, кажется, что-то интересное: «Знаешь, я вспомнила, артист, который сегодня играл Петра, в прошлом году, когда этот театр к нам приезжал, исполнял роль Кента в «Короле Лире» Шекспира. И этот, который Костика играл, молоденький такой, правда, хорош был? Как в жизни. У нас на курсе Витька, ну точно такой». Вот они обгоняют меня, девушка и юноша, очевидно, студенты, и я слышу, как он отвечает ей: «Хорошо-то хорошо. Да сколько уж мы их, таких, и в театре и в кино видели... У папы денег много, папа мешанин, сынок зазнался, а в конце папа понял, мама тоже. Как будто-книжку читаешь, где все заранее известно».

Да. Может быть, потому так мало говорят о спектакле, что в нем слишком все заранее известно? Вспоминаешь спектакль, актеров, которые в нем играли... Разве не было интересного, хорошего, верно? Было.

И вспоминается отец братьев Селивановых, героев пьесы, Илья Прокопьевич (арт. Л. Козоровичий). Тяжелые, натруженные руки, твердый говорок на «о», глаза, то вспыхивающие огоньком гнева, то полные боли... В этом жизнь, в этом правда.

Или один из сыновей Ильи Прокопьевича, Петр (нар. арт. ЧАССР А. Дуняк). Он немногословный: в отца, мужественный, прямой и сильный. Артист рисует образ своего героя, сначала скупясь на краски и детали. И только потом узнаешь этого человека до конца. И за каж-

дым словом, за каждым жестом, взглядом видишь человека огромного мужества, гражданина страны, живущего не для себя, а для людей, который знает, в чем его долг, и пойдет до конца, выполняя его. Дуняк — Петр умеет молчать на сцене. Он молчит, а ты зритель, чувствуешь, видишь все, о чем он думает, что переживает.

Или веселый, как будто легко, просто идущий по жизни Дмитрий Селиванов (арт. С. Шевяков), умеющий, однако, быть мужественным, принципиальным, когда дело касается вопросов совести, чести. Очень проста и естественна и невеста Дмитрия журналистка Лобачева (засл. арт. ЧАССР А. Камардина).

А жена старшего из братьев, Егора (засл. арт. ЧАССР М. Каширская). Сколько сначала покоя и уверенности в этой женщине и как все сильнее потом проявляется в ней внутреннее смятение, сознание того, что нельзя жить так, как живет она. Жить, ничего не делая, только для того, чтобы готовить вкусные обеды и обеспечивать, поддерживать уют, который так ценит ее Егор.

Изломанный, самоуверенный, циничный Костя, сын Егора (арт. Г. Судников). Уже в 16 лет нет для него в жизни ничего святого, на принципы, на совесть, на честь он смотрит равнодушно... А в глазах, за холодным и деланным презрением, у этого мальчишка видишь вдруг такую тоску и боязнь одиночества, и становится от души его жаль. Ну чем он виноват, в сущности, что отец его, инженер крупного бумажного комбината, ограниченный, самовлюбленный мешанин, растягивая сына «по образу и подобию своему»? Поймет же этот мальчишка когда-нибудь, что живет

плохо, живет не так. И дорого же достанется ему это понимание!

И Оля Корочкина (арт. Н. Чижик), первое чистое, товарищеское чувство которой было не понято, извращено Костей? Хорошо еще, что она твердо верит: Костя лучше, чем хочет казаться.

Ну, как будто бы все и хорошо. Но почему же все-таки от спектакля остается чувство неудовлетворенности? Почему?

И вдруг встает перед твоими глазами забор, обыкновенный, деревенский, но огромный, примерно в полтора человеческого роста забор, который видишь сразу, едва открывается занавес. А на заборе аккуратно написанная табличка: «Во дворе злая собака». Забор усадьбы Егора — одного из братьев Селивановых. И все ясно. Здесь живет мешанин, обыватель, человек, по духу чуждый нашей жизни. Его-то и будут в пьесе «перевоспитывать».

А через две минуты, вдоволь наглядывшись на забор, мы увидим и самого Егора у себя дома, в уютно обставленной квартире, и почти с первых реплик Егор усердно саморазоблачается: я устал... я заслужил... мой дом... мой покой. Ведь театр же знал, что Егор, так сказать, «разденет» себя сам с первых же реплик. Так зачем же еще и забор? Чтобы зритель, не дай бог, не ошибся, не спутал «положительного» с «отрицательным».

В Егоре Селиванове нет ни одной привлекательной черты. Ограниченный, циничный, человек мелкой и черствой души. Какой он руково-